

МИФЫ И МИФОЛОГЕМЫ

П.И. Симуш

САКРАЛЬНЫЕ КЛЮЧИ КЛАССИКОВ: КАК ОТКРЫВАЮТ РОССИЮ?

Аннотация. Жизнь настоятельно требует разработки Концепции о сакраментальном состоянии исторической России, которое сближает её не только с остальной Европой, но и с исламом Востока, и с иудейством Израиля. Это объективно необходимое сближение позволяет угадать и «общий ход вещей», и высказать предположение об огромном значении случайности, которая формирует мистический опыт проявления триады «тело – душа – дух» в российском контексте. Его центральный символ – «абсолютное начало культуры», создавшее «Ключи России».

Итоговая гипотеза вводит в науку интегральные категории «ключи» и «ключимость», указывает на актуальную идею о том, что российская филология становится ведущей идеей превращения многострадальной страны в духовное достоинство мира.

Автор пытается выразить некое мистическое чувство, которое давно зародилось у его душе и оказывается созвучным российской словесности. Именно поэтому он убеждён, что литература и её осмысление могут оказаться путеводной нитью в постижении судьбы и жребия России, анализа противоречий её исторического предназначения. Отдавая должное христианству, которое совершило переворот в духовном ареале планеты, автор старается приблизиться посредством ряда объяснений к пониманию сакрального «краеугольного камня» Российского Дома.

Ключевые слова: переформат, абсолютное начало, ключи библейские и национальные; российская ключимость; мировая и отечественная культура; изоморфность личности и Родины-Отечества; телесность – душевность – духовность.

Abstract. Today's realities require a new Concept on the Sacramental State of Historical Russia to bring Russia close not only to the rest of Europe but also Islamic East and Judaic Israel. This reasonably required approximation allows to both figure out 'the general course of nature' and make an assumption about the tremendous role of chance which forms the mystical experience of the 'body-soul-spirit' triad in the Russian context. The central symbol thereof is the 'absolute beginning of culture' creating the 'Keys to Russia'. The final hypothesis introduces the integral categories of 'keys' and 'keyness' into the science and points out that Russian philology is becoming the leading idea of turning the long-suffering nation into the world spiritual force. The author of the article tries to express the mystical feeling which he has conceived and which has turned out to be in tune with the Russian language arts. This is the reason why he is so sure that literature and interpretation of literature may turn out to be the Ariadne's thread in understanding the fate and destiny of Russia and analyzing its historical contradictions. Paying tribute to Christianity which created the revolution in the spiritual areal of the planet, the author of the present article tries to come close to understanding the sacral 'cornerstone' of the Russian House through a series of explanations.

Key words: physicality, Absolute, pereformat, Biblical keys, national keys, Russian keyness, world culture, Russian culture, philology, isomorphism of Native Land's personality, warm-heartedness, spirituality.

Признание необходимости

Вступление на путь долголетия потребовало ответа на вопрос о том, в какое время я продолжаю жить и как должен действовать «подобающим» образом. Во второй половине XX в. мне довелось встречаться с первыми лицами СССР и РПЦ, исполнить роль последнего заводилом философии социализма в Институте философии АН СССР, а затем заняться теоре-

тическим россиеведением и преподаванием в вузах. С недавних пор моим исследовательским выбором стала «философия филологии» (определение П.С. Гуревича) и убеждён, что именно новая интегральная филология должна стать (или уже становится) ведущей нитью России, призванной явить миру своё «духовное превосходство» (предвидение Ванги). Я осмелился ввести в научно-философский и богословский оборот категорию «ключимости» и опубликовать

книги, посвящённые пророческому предназначению С.А. Есенина и М.Ю. Лермонтова. Понадобилось ввести новый момент в свою духовную автобиографию, вполне предаться разуму и воле Того, о ком пророк в своём «Певущем зове» сказал: «Кто-то мудрый, несказанный, / Всё себе подобя...» Следуя за Есенинским духом, предлагается использовать существительное «ПЕРЕФОРМАТ» – синоним «нашего времени» (вспоминая М.Ю. Лермонтова).

Искомые понятия российскости

Таковыми являются: библейская личность; мистика как реальность.

Поставим сразу же вопрос: «Кто он, первооткрыватель российской цивилизации? Андрей Первозванный? Нестор? Княгиня Ольга?» Эти имена не только не остались в давно минувшем, но они живут и в настоящем.

Для ответа достаточно припомнить главный орден в РФ и РПЦ, не забыв и морской Андреевский флаг.

Первейший филолог Нестор, как известно, составил летописный свод «Повесть временных лет». Это имя уже восемьсот лет на слуху; оно вызывает в памяти Андрея Первозванного, апостола Иисуса Христа. При этом вполне достойно, как воплощение мудрости и несгибаемой воли, представляется нам княгиня Ольга. Она была крещена в Византии и сделала первый шаг Руси в христианскую цивилизацию.

«Вспомнить молодость» – таков совет биологов США, которые доказали экспериментально возможность омоложения клеток. Имеют свои витальные клетки также процесс рождения и становления Руси, о чём поведал первый летописец.

С наступлением нового тысячелетия автора не покидает предчувствие мистического выбора России, требующей умения её указать, чтобы не виться около литературы, а найти нечто парадоксальное. Искомая истина предполагает гипотезу о том, что филология может стать ведущей нитью постижения российского организма, который внутренне противоречив. Предположение востребовано христианством, которое, по мысли А.С. Пушкина, является «величайшим духовным и политическим переворотом нашей планеты» [1, с. 127]. В свете христианской сакральности проясняется эвристическая ценность «Ключей», которая позволяет автору посредством ряда объяснений приблизиться к пониманию сакрального «краеугольного камня» Российского Дома.

Ключ – это знак, символ духовного достоинства и сокровищ России, который, говоря словами В.Н. Татищева, «различно разумеется» как материально-идеальный и вещественно-нравственный образ и подобие Абсолюта.

Ключимость – качественное состояние страны с его историческими свойствами – индивидуальностью и соборностью, традиционностью и пересозданностью, вольностью и подчинённостью. Ключи сего дня вопрошает: «Должна ли быть в России “социальная монархия”? Станет ли страна вновь “солидарной”? Может ли Россия явиться перед миром в качестве его искомого духовного достоинства?».

Собь – исконное русское определение человека, личности как единичного существа в его самостоятельности (свободе) и с имущественным достоинством (собственностью). Собь обладает душой (ум, чувства, воля) и духом (общение, интуиция, совесть), а также своеобразным характером при развитии самосознания.

Собость – совокупность форм бесконечного содержания души и духа человека, который стремится в своей жизни обрести условное достоинство (с Богом) или безусловное достоинство, на котором основывается его свобода и права. Современная личность решает: насколько дорога сегодня свобода? Собость ставит человека перед выбором: его свобода – не товар или собственная свобода – дорогой товар. Собость как совокупность форм индивидуальности и общности даёт возможность людям стремиться к лучшему и к большему. Собость – это череда того, что сегодня мы называем *Выбор*.

Собственность – это средство достойного существования соби в собости, позволяющее индивиду желать неограниченно блага для себя и окружающих его. Поэтому собственность должна быть с-справедливостью, позволяющей каждому действовать разумно в среде его ближних и дальних. Жажда справедливости утоляется молитвами об исполнении желаний, при этом никого не смущая и никого не огорчая. Об этом говорили классикам преподобные старцы и отцы Оптиной пустыни (из сочинения святителя Игнатия). Они просили Господа: «дай мне с душевным спокойствием встретить всё, что даст мне сей день».

Мистический исток российскости

Постигая смыслы отечественной истории, автор с благодарностью воспринял совет Н.В. Гоголя об угадывании этих смыслов в Ветхом Завете. Два библейских древа дают повод к рассмотрению таинств России, что мною было осуществлено в книгах по российской политологии и социологии. Миф о «древе жизни» и «древе познания добра и зла» (Быт. 2:9) приглашает целостно взглянуть на всё мироздание, подсказывает нам догадку о некой целостной категории «ключимость» в контексте этичной политики. Образ мировых древ моделирует познание сакральной ключимости во всём

его цветущем многообразии (по В.В. Розанову). Она даёт начало трём её главным ветвям: духовной, экономической и политической.

В поиске смысла библейского Логоса мы встречаемся с мистическими Ключами, которые я склонен рассматривать как первообраз российских ключей. В трактовке В.И. Даля первообраз есть начальный, коренной, основной образ чего-то, тип, подлинник, идеал, взятый за образец. Приняв это определение за путеводную нить, можно отыскать в Библии трактовку коренного источника в виде места, где вода естественным образом выходит на поверхность. В отличие от колодца источник давал жизненно необходимое благо, которое приравнивалось даже к Богу, подателю спасения и вечной жизни (См.: Иер. 2:13, Пс. 35:10). Всевышним сказано: «А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек, но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:14). Меня удивили также описание невесты как «садового источника» (Песн. 4:15). У библейских народов даже местности получили свои названия по близлежащим источникам. Еврейское слово Ен – источник – живо во многих названиях мест. Мне, уроженцу Пятигорска, особенно дороги кавказские минеральные источники и водоносные ключи.

Меня весьма заинтересовали библейские высказывания о ключах. Пророк Исайя передаёт Весть: «И ключ дома Давидова возложу на рамена его: отворит он, и никто не запрет, запрет он и никто не отворит» (Ис. 22:22). Но более всего меня поражает то, что высшая универсальная власть над ключами принадлежит Всевышнему и Иисусу Христу. Богочеловек получил «ключи ада и смерти» (Откр. 1:18). Христос передал «ключи Царства Небесного» Петру, тем самым апостолу была дана власть на земле связывать и разрешать (Мф. 16:19). Доверенная власть над церковью позволяет человеку получить доступ к Небу. О доступе к Царству Божьему говорил славянам в I в. н.э. апостол Андрей Первозванный. Его Христова энергетика стала, по моему глубокому убеждению, ключевой в рождении Руси и обретении ею мистической силы. Я бы не смог это утверждать, не имея за своими плечами полувековой опыт таинственного озарения человеческим существом. Поэтому, опираясь на филологию, склонен исчислять продолжительность жизни российского организма двумя тысячелетиями, а не одним, как это толкуют историки. С моим толкованием начала постройки Российского Дома согласился выдающийся археолог академик Б.А. Рыбаков. Было это четыре десятилетия назад и отражено в превосходных рыбаковских трудах о языческой Руси.

Формировавшийся два тысячелетия лик России напоминает изоморфно облик св. ап. Андрея

Первозванного. Смее утверждать это. Пребывание в Тартусском университете приобщило меня к позиции профессора Ю.М. Лотмана. Спустя два десятилетия он писал, что «история, отражённая в одном человеке... изоморфна истории человечества» [2, с. 389].

В мою память вошли строки из стихотворения Ирины Снеговой (1922-1975): «Всё приходит слишком поздно: / К невиновным – оправданье, / Осуждение – к убийце, / Опозданья, опозданья, / Век за них не расплатиться».

Уже много веков бытует «сказание о посещении русской Земли Андреем» (так названа статья И. Малышевского, 1866). В Богоявленском соборе в Москве хранится десница св. ап. Андрея, которую преподнесли царю Михаилу Фёдоровичу. Как известно из Библии, Андрей и его брат Пётр были двумя первыми учениками Иисуса (Ин. 1:35-40, 1:44; Мк. 1:16, 29; Мф. 4:18; 16:17). Это факт послужил основанием традиции прозвать первого ученика Христа Первозванным. Подробное его жизнеописание даётся в Православной энциклопедии [3, с. 370-375]. В ней говорится о древней традиции повествования о его деяниях, которая восходит к I половине III в. н.э. Св. ап. Андрей трижды общался с матрицей русского народа, посетил Скифию, вёл проповедь среди язычников – жителей древнейшей территории современной России.

Апостол Андрей сначала был сторонником Иоанна Крестителя (Иоанн 1:35). Позже он стал последователем Иисуса, Который сказал ему: «Идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (Мк. 1:17 и сл.). Став превосходным «ловцом человеков», Андрей Первозванный поделился своей великой духовностью с человеческой матрицей языческой Руси.

Присутствие апостола ощущалось в Крыму, в Херсонесе, где сохраняется отпечаток его стопы на камне. Наблюдая за течением Днепра и Волхова, я вспоминал новгородские предания о путешествии св. ап. Андрея, думал о традиции его апостольской проповеди по всей Русской земле. Спустя два тысячелетия после мученичества Андрея, распятого на кресте, задумываешься о том, что апостолом Христа были переданы Руси «Ключи» как таинство русской мистической цивилизации. Она началась в I в. н.э.

Весьма примечателен тот факт, что Пётр Великий избрал своим покровителем Андрея Первозванного. По велению первого императора был введён главный орден Российской империи. Первенство этого ордена восстановлено в Российской Федерации и в Русской Православной Церкви. Я даже склонен предполагать, что от апостола началась отечественная парадигма персоноцентризма, высшей власти в России. Вводом категории «власт-

ного персоноцентризма» я отвергаю такое нововведение, как «социальная монархия» в России.

Если Христос передал «ключи Царства Небесного» ап. Петру, то вполне возможно, что ключи от многоконфессиональной российской цивилизации переданы ей Андреем Первозванным. Эту мысль 45 лет назад я высказал А.М. Ридигеру, митрополиту, которого позже мир узнал под именем Патриарха Алексия II. К сожалению, третьего диалога у нас не состоялось, но сюжет о первообразе русских «Ключей» разработан мной под неизгладимым впечатлением от бесед со священником огромного ума. Благодаря А.М. Ридигеру я обратился к великому ключарю христианства и русского самосознания В.С. Соловьёву. Слово «ключарь» объяснено В.Н. Татищевым [4, с. 327]. «**Ключарь**, в церковниках чин знатный, бывает токмо у главных церковей архиерейских...»

По образцу церковному ключарями духовными были не только философ В.С. Соловьёв, но и писатели Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Б.Л. Пастернак, Л. Леонов. Появится ли в России подобный новый ключарь? Вопрос без ответа, поскольку даже Л.Н. Толстой всё ещё вне РПЦ, хотя его гениальная душевная духовность признана всем миром.

Смысл молчания отшедших

Первое предположение. Вступлением мира в новую эпоху интегральных перемен осуществляется смысл истории – вести человечество к будущей жизни. России удалось расстаться с режимом атеистического коллективизма, чтобы обустроить «новую землю и новое небо», преодолевая муки рождения новизны в статуте личности. Звезда мирового искусства Майя Плисецкая, символ творческой свободы, в своих последних словах выделила сущительное «борьба» и глагол «бороться». Действительно, без этих сакральных слов невозможны положительные свершения в посткоммунистической России. Стране приходится ныне пересоздавать своё бытие, обновляя в лингвистике слово «пересоздание». Новая роль теперь и у филолога – стать искателем начала в интегральном пересозидании мира и российской ключимости.

Можно предположить, что личность, будучи определением человеческого существа как «образа и подобия Божьего» является главным ключом России. Ибо человек обладает разумной волей и своеобразным и своеобразным нравственным характером, которые вливаются в личностное и национальное самосознание.

Второе предположение. Становление нового единения философии, религии, искусства и науки поднимает над ними ввысь филологию с её свойствами интегрировать разные направления постижения мира и

искать интегралы, соединяющие элементы всех форм общественного сознания. Поможет ли синтезирующий вектор филологического обновления единению искусства, религии, философии и науки? Думаю, что многовековое противостояние между ними становится теперь просто нетерпимым.

В настоящее время нет более актуальной задачи, чем установка Иисуса Христа, которую передаёт св. апостол Иоанн: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют о Мне» (Иоан. 5:39). Что касается меня, то я уже 30 лет исследую главу четвёртую Бытия, но не решаюсь пока опубликовать разгадку убийства Каином брата Авеля. Библия, написанная древними авторами, не только не устарела, а стала динамично витальной: в этой книге Святого Писания наука и философия могут черпать свои исследовательские вызовы.

Третье предположение. Жажда современных исследователей «напиться» живой воды в источнике мистической Софии стала уже мучительной. Именно «София» находится в основании «всеединства» и собственно составляет, по мнению С.Н. Булгакова, это «всеединство». Софийная мудрость как понимание жизненных целей зачинает в себе всё, что вбирает в себя «космологический смысл». Поиск последнего привёл меня к счастливой находке: в Словаре В.И. Даля я нашёл слово «ключимость». Но почему оно за полтора века не повторено в литературе? Вопрос пока без ответа. Но не будет тавтологией наша мысль о том, что понятие «ключимость» содержится в тайне ключей к постижению нашей страны. Д.И. Менделеев в своём труде «К познанию России» [5; 6] обозначил соответственно девять граней узнавания качественной ключимости:

- вещество – сила – дух;
- инстинкт – разум – воля;
- свобода – труд – долг.

Каждое из этих фундаментальных понятий обрело множество томов. Теперь в свете «ключимости» продолжим изучение человека как «меру всех вещей». Уже два века расшифровывается признание Г.Р. Державина в том, что он «Бог» и его антиподы. Вослед думе В.И. Несмелова (1863-1937) можно утверждать, что телесность – это физический организм человека, и Бог существует не только в самом себе, но и как Его подобие в человеке.

Интересно было бы услышать отшедших, но у живущих остаётся долг: чтить их память в душе, а также, говоря словами С.Л. Франка, «чутко прислушиваться к таинственному и величавому – то благодетельному, то грозному – смыслу их молчания» [7, с. 229].

Молчание есть интереснейший предмет размышлений для живущих, которым очень трудно опровергнуть его аргументы.

Молчат поспешно казнённые революционеры-«декабристы», «потеряв надежду» быть «услышанными» контрреволюционерами конца XX в. В головах современных политиков иллюзия, что они владеют отмычками на каждый ключевой пост в российской ключимости. Им вообще неизвестно, что она означает.

Современное молчание публики вокруг пророка М.Ю. Лермонтова с его пророчествами господства в России «учений правды и любви» – явно не золото и не серебро. Политикой правит «одна из форм астрологии, рождённая под знаком денег» (Джон Леонард, американский критик). Деньги достаются ими из наших карманов, поскольку россияне дали им свободу рук. Меркантильная вольность сформировала в России огромные классы потребителей. Пришло время серьёзно задуматься над тем, что же нас, россияне, объединяет. Задумавшись, писатель Виктор Ерофеев поставил дополнительный вопрос: «Уж не русская ли душа – загадочная и на глазах становящаяся уже и политическим фактором?»

Коль скоро в теперешней России богатство – это главная власть, то она поддерживает деятелей литературы и культуры, «как верёвка – висельника» (Шарль Монтескье). Не поэтому ли в двух московских театрах на сценах – не пророк и гений С.А. Есенина С.А. Есенин, а хулиган («На таганке» – поэт с исповедью хулигана). А один из журналов по психологии «представил» есенинский пророческий феномен в ранге шалопая. Последнему будто бы не принадлежит провидческий «Певущий зов», в котором артикулирована принятая Сергеем Есениным космическая информация (апрель 1917 г.). В ней дан россиянам совет: постигать мир, любить, верить и мерить [см. подробнее: 8; 9].

Власть имущие в СССР поспособствовали скорому уходу из жизни величайшего поэта и мыслителя Б.Л. Пастернака. Его ключевое для атеистического общества мужество христианина, восхищает тех, кто ощутил силу «воинствующего материализма» (В.И. Ленин). Пастернаку было ведано, как он боялся беспощадной власти, тем не менее на передний план в романе «Доктор Живаго» выдвинул бессмертного Иисуса Христа. У автора был выбор: безбожие или христианство? Учение Христа осуждает безнравственность властителей. Б.Л. Пастернаку и А.И. Солженицыну ещё до падения безбожной власти КПСС удалось сохранить для верующих в некоем этическом синтезе то, что является наиболее жизнеспособным в цивилизациях, включая и цивилизацию советскую. Оказалось, что самым витальным началом страны является христианский КЛЮЧ, который предстаёт тройственно как телесность, душевность и духовность. При формировании этой триады необходимо учитывать имеющуюся в этих

понятиях дифференциацию. Так, например, душа России, жизнь её душевности «трёхчастна»; конкретно поясняя, следует выделить понятия: ум, чувства, воля. При рассмотрении русского духа надо вести речь также о его трёх частях: общении, совете и интуиции.

Познаваема ли мистика Родины и Отечества?

В «Словаре русского языка» (1986 г.) С.И. Ожегова о мистике говорится так: «Враждебная науке вера в божественное, в таинственный сверхъестественный мир». Этой ненаучной точки зрения придерживался и руководитель СССР М.С. Горбачёв, тогда как в советском народе было распространено 2-ое, по Ожегову, значение: мистика – это «нечто загадочное, необъяснимое». Что же касается моего объяснения мистики, то уже к началу 90-х годов я стал придерживаться определения мистики, которое нашёл у Владимира Соловьёва. Это слово означает совокупность явлений и действий, особым образом связывающих человека с тайными силами мира, независимо от условий пространства, времени и физической причинности [10, с. 287].

Встретившись с Р.М. Горбачёвой, я не решился дать ей совет, чтобы она отговорила своего супруга публично признаваться в своём атеизме, поскольку мистика есть также реальная, опытная наука. Однако Президенту СССР М.С. Горбачёву, который уже отошёл от В.И. Ленина, но не расстался с воинствующим материализмом и атеизмом последнего, было суждено выступить на исторической арене похоронщиком безбожного государства.

Что же касается опытно-реальной мистики, то она ещё раз подтвердила свой деятельный и прорицательный характер. В трагической судьбе атеистического государства – СССР – проявился мистический факт, требующий мистического подхода при рассмотрении нового пути России, которой суждена пересозидательная участь.

Продолжая наполнение содержанием понятие «ключимость», я должен обозначить её основные пункты, поскольку понимаю Россию как интегральную идею, которая заключается в осуществлении спектра идей и ключевых понятий бытия человечества. Главная бытийная идея страны – её срединность, которая Д.И. Менделеевым определена как «срединное царство». Искомая ключимость выступает как совокупность свойств страны. В определении В.И. Даля она есть «качество, состояние ключимого». Ключимыми являются составляющие триады: тело, душа и дух. Филология же «раздумывает»: быть ей именем существительным по отношению к России или же её прилагательным. Однако волевыми усилиями ума, которые ниспосланы в

мольбах, возможно сформулировать своё видение проблемы ключимости. Оно продиктовано заботой о постижении вечности в любви к малой и большой Родине, которая испытывает огромные тяготы от государственной власти. В противовес последней уже две тысячи лет существует «власть ключей». Именно она обладает определяющим воздействием на российскую ключимость как её душевно-духовное состояние. В нём проясняются ключевые диады: власть ключей, российская ключимость, душевно-духовный уклад, цивилитарная гражданственность, отечественная медианность, интегральная культура, филологический образ.

Ключом к России является прежде всего триада «Родина – Отечество – Страна». Она неотделима от понятия «органика», которая живёт и действует, являясь «мерой субстанции», единством трёх категорий цельности или трёх ступеней бытия, по Гегелю. Они, в гегелевском толковании, выступают мерой, качественно-количественной определённости.

Пушкинская интуиция выразила древнейшую почвенническую истину: для россиянина родина, место его рождения важнее всей Вселенной, ибо это та исходная точка, которая определяет внутреннюю суть человека. Вспомним его чудные слова: «Два чувства дивно близки нам – / В них обретает сердце пищу – / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам».

Думая о своей привязанности к родному Пятигорску и к М.Ю. Лермонтову, я нашёл подтверждение фактора сакральности у Ф.М. Достоевского. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» он серьёзно задавался вопросом: «Неужели же и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землёй, что оторваться от неё ни за что нельзя, и хоть и оторвёшься, так всё-таки назад воротиться».

Вполне естественно, что сокровенность Родины и Отечества нашла себе «опору» в мистических воззрениях поэтического «созвездия гениев» (словосочетание Пушкина). Именно оно воздвигло памятник мистической философии России. Даже атеист А.А. Блок признал: «Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя, / И обливаясь чёрной кровью, / Она глядит, глядит, глядит в тебя, / И с ненавистью, и с любовью!...».

Прозрения русской классики раскодируют искомыми нами *критерии российской ключимости*. Например, Г.Р. Державин, впервые употребивший словосочетание «родная страна», имел в виду, возможно, место рождения и речевые эквиваленты «семьи», полноты родового бытия. В его памятном месте, в имени Званка, которое посетил, довелось мне предаться размышлению о том, как сочеталась державинская поэзия с его статусом министра юстиции.

Он предполагал не вводить в миропонимание слово «родина», а подняться на державную спираль миропонимания (власть и население). В оде «Властителям и судиям» Державин ставит закон выше земных властителей, заявляя: «Ваш долг есть: сохранять законы, / На лица сильных не взирать».

Идеал державинского государства – это такое человеческое устройство, где на троне властвовали бы разум, свобода, справедливость, главенство законов. Читая его поэтические произведения, мы обнаруживаем, что в России XVIII в. установилась абсолютная монархия, которая только чудом не превращается пока в деспотию; свобода законодательно не обеспечена, человеческое достоинство попорчено, что нужны меры...

Резок поэт, непримирим к несправедливым властителям, призывая карать «лукавых». Ничего подобного не было до этого в отечественной поэзии, никто не смел учить царей и требовать над ними суда. Находясь на посту министра юстиции, Г.Р. Державин стремился не допускать «утеснения сильной стороной людей бессильных».

Мистика российской ключимости

Эта новая тема проистекает из интегрального мировидения. Оно словесно выражает: 1) облик и очертания страны; 2) её устойчивые свойства; 3) коренные врождённые особенности России; 4) претерпеваемые состояния и свойства русского организма, который переживает в своей эволюции кризисы и пересозидания. Обновлённая формулировка восходит к открытию Аристотелем философских категорий и конкретизирует понятие на примере русского организма: 1) территория, на которой живёт население в своём природном окружении; 2) государственность; 3) гражданственность; 4) душевно-духовное состояние общности. Это социальное качество имеет свои количественные параметры, отвечающие на вопрос «сколько?». Найти ответ я мечтаю на «тихой родине» Николая Рубцова, совершая прогулки по его любимым вологодским местам.

Почему замолкло превосходное слово «собь»?

Ответ на этот трагический вопрос краток: слово «собь» мертво, оно молчит. Глубочайшее русское понятие, означающее, по В.И. Далю, лучшие человеческие свойства, умертвили. Кто? Когда? Где? Место смерти – Россия, стихия её языка, родившего речевой эквивалент «всё своё», то есть не только лицо, особа, личность, но и их богатство (животы, имущество, пожитки). Удивительнейшее русское слово

включало в себя, в расшифровке Даля, «свойства нравственные, духовные, и все личные качества человека». У многих людей были лица, типично русские, увидев которые, их навсегда запоминали. И если прав Джордж Оруэлл, то в пятьдесят каждый имеет такое лицо, какого он заслуживает. Но русские классики, каждый из них, уже в двадцать шесть (вспоминая М.Ю. Лермонтова) имел своё творческое лицо.

Вспомнив изречение Протагора о том, что «человек – мера всех вещей», можно утверждать, что собь была русской мерой вещей, ибо «собь наша держится за любовь к миру и любовь к самому себе». Россияне считали, что всего дороже на земле «собинки». Митрополит – писатель Иларион и протопоп Аввакум (Петров) наживали с великим умом собину, а без большого ума царь Николай II и советский вождь Н.С. Хрущёв, каждый свою собину растерял. Русская пословица подтверждает: «С умом собинка нажита, а без ума прожита». Прожили свой ум и навсегда замолчали гонители таких великих талантов, как Н. Гумилёв, А. Ахматова, О. Мандельштам, В. Высоцкий, В. Шаламов.

Мне думается, что непревзойдённое слово «собь» принесло себя в жертву слову «собственность» – господину всех вещей посткоммунистической эпохи. Общественную и государственную собственность «умельцы» сумели ловко приватизировать, а посему частник до смерти забил собь. Какая уж тут собина, если российский народ из цели развития страны превращён в пассивное средство для тех, кто обуян страстью к несметному достоянию. Миллиардные богатства у сотни олигархов уже нельзя назвать пожитками и нажитками, то есть «собью». Олигархия, бюрократия и плутократия в современной России не может пустить в свои речевые обороты выражения, вроде «моя собина» и «наша собь», ведь тогда бы пришлось раскрыть неблагоприятную сторону захваченного несправедливо. Поэтому исчезло не только подлежащее «собь», но и прилагательные «собинный», «собный», а вот слова «свой», «собственный» поднялись к свету.

С собью связана история формирования собственности. В XX в. в нашем обществе происходили такие радикальные перемены, что принцип природного права индивида на свою частную собственность коммунисты отменили, а в последние двадцать пять лет общественная собственность попала в стихию жизненного трагизма. Обоснованно ли происшедшее? Думается, что нет. Ведь древнейшее право справедливой собственности имеет непреходящую ценность. Бессмертное слово «собь», умерщвлённое господствующими классами, означает прежде всего особу, личность, персону, то есть личные

качества человека, его суть, а потом уже достояние и богатство. Однако богатые сословия перевернули содержание «собственности» (личной собственности) в сторону колоссально больших достояний у полторы сотни лиц.

Перед филологией встала труднейшая задача различать словосочетания «частная выгода» и «личная выгода». Напомню, что Бенгтамом была высказана точка зрения, что человек действует правильно ради собственного максимального удовлетворения. Однако история капитализма показала, что «просвещённая личная выгода» может превратиться в непросвещённую частную выгоду. Последняя часто нацелена на получение редких удовольствий, когда жадная расчётливость принуждает богатых сохранять для большинства населения страны «право» на жалкое существование. Но эти люди также могут называться собью, которую другие не подвергают страданиям.

Пора напомнить и о литературе, точнее, о проблеме изучения литературы. Россияне испытывают острейшую нужду в хороших книгах, которые есть речевой эквивалент строгой правдивости. Общепризнанно, что этим собинным качеством духовной соби обладали российские классики, которые до сих пор «владеют» нашими умами. Ибо они творили высокую правду, тогда как иные литераторы просто работали. Долг интеллектуала сегодня – извлечь смысл бессмертного произведения. В «Дон Кихоте», например, Сервантес отразил чудо вечной непосредственности восприятия, которая даёт импульс нашим детям выдумывать, творить. Другой пример – Н.В. Гоголь. Своим прозрением он смог бы увидеть черты современных реалий России: их парадоксальность, игривость, ироничность. Смеясь над Хлестаковыми и Бобчинскими, серьёзно посочувствуем им: этим персонам хотелось стать настоящей собью. В советскую пору, когда я встречался с М.А. Шолоховым, то не догадывался о том, что выдающийся писатель закодировал в своём творчестве ключ первостепенной значимости в жизни соби, семьи и казачьей солидарности. Но я знал, что ключ к термину «собь» затаился в определении В.С. Соловьёвым понятия «Личность» [10, с. 245-247].

«Ключи» как абсолютное начало культуры

Это тезис складывается в моей голове уже несколько лет; он предполагает признание некой абсолютной индивидуальности Российского Дома. У него своя история, собственные подъёмы и падения. Его пытался открыть миру Пётр Великий, прорубая окно в Европу и ориентируясь на Завет апостола Андрея Первозванного. Задание продолжать

строительство величественного здания успешно осуществляли Екатерина Великая, а позже – Г.Р. Державин, который «заметил» в плеяде юношей А.С. Пушкина и «благословил» его на активное участие в имперском созидании. Произошло парадоксальное открытие Золотого века русской литературы великой Отечественной войной 1812 г. Спустя два года после её победного завершения родился в Москве – второй столице Империи – гениальный архитектор пушкинского «нашего всего» М.Ю. Лермонтов. Он призван был к тому, чтобы возглавить духовно-нравственную оппозицию самодержавию Николая I. Ценою своего самопожертвования по примеру Иисуса Христа Михаил Лермонтов указал на христианский ключ для Российского Дома.

Значение искомого ключа хорошо понял Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Первый прочитывал события отечественной истории в Ветхом и Новом Заветах. Вторым оценил христианскую истину жизни превыше всего. Третий стал освобождать христианскую церковь от государственного рабства. Роман Льва Толстого «Воскресение» открывает в 90-е гг. XIX в. Серебряный век русской культуры, который завершается в 70-80-е гг. XX в. духовно-культурным подвижничеством Б.Л. Пастернака и А.Ф. Лосева. Духовно-интеллектуальная деятельность подвижников Серебряного века, как движитель Отечества, противостояла идеологическому романтизму руководства со стороны КПСС. Гонения на Пастернака и Лосева стали предвестием разрушения не только большевизма, но и советского государства. Следует признать благодатную честь русской литературы, в которую вошёл Владимир Высоцкий, за то, что она есть Ключарь христианской культуры.

Что касается моей скромной роли в культуре, то я, будучи лектором ЦК КПСС, мог в общении с космонавтами, философами, учёными, партийными функционерами, митрополитами, писателями, артистами МХАТа уловить степень приятия ими официального Морального кодекса. Советские интеллектуалы чувствовали, что Компартия стала выполнять религиозную функцию. Но молодой Генсек М.С. Горбачёв, афишируя свой атеизм, блокировал эту сакральную функцию, не понимая абсолютно начала отечественной культуры. Непонимание шло также от партийной интеллигенции, которая бездумно отвергла пророчество «Доктора Живаго». Прорыв в неведомое будущее совершили радикал-реформаторы во главе с Б.Н. Ельциным.

Абсолютная индивидуальность нашей страны проистекает от абсолютного начала культуры. Её исследователи предложили свыше пятисот определений культуры. Мне предстоит пойти по их пути, отыскивая её «абсолютное начало». Что оно такое? Более или менее понятно само определение «абсолютного».

В Словаре В.И. Даля оно трактуется как отрешённый, предмет духовный, невещественный, безграничный, безусловный, безотносительный, непреременный, не сравнимый, самостоятельный, отдельный и полный. Сходная трактовка приводится в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (1986 г.). И она может быть неким ориентиром в нашем поиске. Начнём его с обращения к высокому авторитету В.С. Соловьёва, который трактует нормальное состояние и правильное действие умственных сил человека [10, с. 134]. Этим самым он действует со здравым смыслом, участвует в создании в природе «второй природы». В них М. Хайдеггер видел реализацию верховных ценностей путём заботы о высших благах человека.

Здравый смысл, с помощью которого целесообразно вести поиск абсолютного начала культуры, предполагает проверку речи «определёнными нормами истины и справедливости» (Вл. Соловьёв) и требованиями правды и права. Это важно делать, так как люди, и в первую очередь идеологи и политики, часто злоупотребляют здравым смыслом. Господствующий класс в РФ поставил культуру на службу догмам либерализма. В российском обществе «правит бал» личностно-социальный феномен пяти «К»: кланократии, кумовства, коррупции, криминалитета и клептократии.

Зададимся вопросом о том, что же было *в начале истории*? Библейский ответ гласит: слово Божие. Об абсолютном начале в мировой культуре и цивилизации ясно сказано Иисусом Христом: «Я есть истина, путь и жизнь». Неоспоримый исторический опыт прорыва в жизни человечества истинной человечности внушает нам недоверие к приоритету таких абстракций, как «народ», «власть», «государство», «социум» и т.д. Вполне реальной является жизнь единичного существа в его самостоятельной деятельности, в его жизненном выборе между добром и злом. От себя исходит всё то, что получает от нас положительную или отрицательную оценку. Положительно оценивается культура, которая обозначает удовлетворение живых существ и следование их нравственному порядку. Отрицательную оценку от нас получает антикультура, обозначающая страдания человека и нарушения людьми норм морали. Антикультуру и культуру создаёт человек. Сделанное им составило первоначальное значение слова «культура» (лат. cultura), то есть возделывание, обрабатывание. Плоды деятельности Каина и Авеля не возникли из природы сами по себе; они сделаны библейскими братьями (Быт. 4:13). Но вот оценка этих плодов со стороны Господа заключает противопоставление: одобрение (Авеля) и порицание (Каина). Исходя из этого, не восстановит ли нам «око созерцания», или найти тропинку восхождения к Богу? Противопоставляя культуру и антикультуру, мы сможем описывать их как углубление в себя и затем оставление себя в Боге или в Демоне.

Продолжая размышление, мы сможем определить культуру как многогранное целое, которое включает в себе знание как деятельность ума; она имеет притязание на истину – объективную и абсолютную. От неё отличаются мысли, которые могут быть фантастическими и даже абсурдными. Помимо знаний культура содержит в себе моральное созерцание, верования, традиции, законы и другие навыки, усвоенные членами общества.

В общем, разум и воля – феномены бесконечно содержания, познающие истины и стремящиеся к благу. Учитывая это, можно сказать, что люди творят ценности культуры в сфере ценностей. Последние создаются сознательно-волевой деятельностью человека и передаются новым поколениям. Констатируя созидательную парадигму в культурной деятельности, можно заметить, что последняя часто ведётся «безденежно», то есть бескорыстно. У меня возникает предположение о том, что культуру продвигает прежде всего бескорыстие, а не жадность и выгода. Первое было запечатлено в образах первобытных художников, в творениях песен, сказок и др.

Что есть нравственный абсолют?

Возникает вопрос об *абсолютности в этике*. Предложенные трактовки здравого смысла и культуры сходны с философским смыслом разума, творящего культуру. Указанный смысл предполагает согласие и солидарность между людьми. В чём же согласны едва ли не все люди? Вряд ли можно ошибиться, заявив: все мы, неверующие и верующие, живём с некоторыми представлениями о Боге. Они – довольно разные. Об этом А.П. Чехов писал: «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из этих крайностей, середина же между ними ему не интересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало» [11, с. 33, 224]. Чехов же был в поиске на «громадном поле между двух крайностей». Он утверждал: «Человек – это то, во что он верит». Лучше веры в нравственность Богочеловека ничего нет, – таково чеховское кредо. По примеру Христа человеку предстоит несение «креста своего», исполнение триады в составе: терпение, вера и призвание. Абсолютное – вот чего индивид желает себе прежде всего другого. Ему необходимо религиозно-философское возвышение над земным бытием. Абсолютное мыслится в связи со всем миром; оно ощущается непосредственно «сквозь» мир и для многих людей оно тождественно с понятием Бога. Человек хочет во что-то верить и кого-то любить. Для полноты национально-духовного бытия существенное значение имеют инстинкты, разум, чувства и воля. Каждое из

этих составляющих обладает своими достоинствами и своими недостатками. Возможно ли между ними единство во имя абсолютного начала? Как можно избежать превосходства каждого из состава тетрады? Попытку ответить на эти вопросы предпринял Б.П. Вышеславцев в работе «Этика преобразённого эроса». Он характеризовал абсолютное как иррациональное, которое лежит в основании рационального, как наличие окружающего нас тайны, бытия третьего измерения. Только признавая тайну Абсолютного, можно указать на абсолютные моменты в нравственности [12, с. 16-28, 138-153]. Верное указание на этот счёт принадлежит А.П. Чехову, который сформулировал идеи абсолютной нравственности в Христе, нравственного права. Его формулировки рассмотрены в моей монографии [13].

Философский аспект проблемы Святой Троицы (Бог – Отец, Бог – Сын и Бог – Дух) глубоко проработан в статье Г.С. Киселёва «По образу и подобию...» [14]. Божественная Троица и есть Абсолютное начало христианской культуры. Эта символика выявлена В.С. Соловьёвым в работе «Русская идея». Она, по его мысли, ориентирована на то, чтобы восстановить на российской земле верный образ божественной Троицы. В свете соловьёвского подхода нация предстаёт не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности. Поиск национальной идентичности России и отечественной культуры в контексте «среднего» я веду много лет [15; 16; 17], доказывая, вслед за И.А. Ильиным, что российскому народу необходимо духовное возрождение и обновление, стране нужен культурный человек, проверенный испытаниями страдания, соблазна и суда, ему надлежит освободиться от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и начать строить себя по-новому, ради новой великой цели.

Русский народ, идущий по пути служения и страдания, имеет превосходный пример абсолютной индивидуальности еврейского народа. Он смог добиться интеллектуального превосходства потому, что во многих странах евреям отказали в гражданском равенстве. Я не могу не надеяться, что может быть найдено в еврействе нечто, стимулирующее русскую культуру.

Достоинство российской культуры – в её абсолютном начале, которое люди называют по-разному (Бог, Всевышний, Яхве, Аллах, Иегова и др.). В моём понимании Абсолюта – это безусловная истина о себе и мировидении, которую человечество вечно исследует, молясь при этом и удивляясь своему незнанию перед таинством Всезнания и Всемогущества. Поэтому М.Ю. Лермонтов амбициозно мог заявить: «Я Бог...», поскольку одолел в себе укрощённого Демона. Во власти людей, по мысли Б.Л. Пастернака, «суметь не исказить голоса жизни, звучащего в нас» [18, с. 144].

Куда несётся русская стихия ключимости?

Начитанной публике ответ на этот вопрос давно известен. Хаотическая объективность несётся по обширному российскому полю к женскому началу мудрости. Уже двести лет названной сестрой России является сакральная София – богиня мудрости. Своей жизни Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Чехов, Блок, Есенин, Маяковский, Пастернак посвятили женщине. Последний даже признался в письме к М.И. Цветаевой (25/III – 26 г.): «Сестра моя жизнь была посвящена женщине. Стихия объективности неслась к ней нездоровой, бессонной, умопомрачительной любовью» [18, с. 320].

Нам, людям, Живущим на рубеже двух исторических периодов – одного, коммунистического, законченного; другого, постсоветского, уже народившегося, – пора от пустого многословия перейти к новым чувствам и мыслям, нужно действовать по-другому. Так уже поступают многие выдающиеся женщины России. Одни пишут романы; другие, подобные Галине Черкашиной в Белогорье, в чуде красоты перестраивают здоровое бытие. Писатели с очаровательным женским лицом приобрели потрясающую популярность среди россиян. Татьяна Толстая, например, не без доли самоиронии поставила себе диагноз «синдром Плюшкина». А Людмила Улицкая высказала три сакральных суждения: 1) свобода – дорогой товар; 2) мир не хочет допустить излишнего совершенства; 3) есть нечто более высокое и разумное, чем наше человеческое намерение и действие.

Стремительная сакральная эмансипация женщин – самый удивительный факт в современной России. Женскую часть её населения, исключая, разумеется, жён лидеров радикального реформизма, возмущает содеянное мужчинами за последние три десятилетия, но восстания против последних они не подняли, а выдвинули из своей среды креативных писательниц, ставших властительницами дум. «Критериями успешности» для россиянок стали: финансовая независимость (у половины респондентов она на 1-м месте), фактически равноценными ей являются творческая реализация, рождение детей и карьера [19].

Движение против господства мужчин набирает размах и в чисто мистическом смысле далеко от завершения, ибо только прошли стадии младенчества и детства. К чести женщин, побеждающих на филологическом «фронте», они уже перестают быть отражением интересов и настроений мужчин. Питаю надежду, что писательницы и поэтессы развенчают всё старое, потому что оно изжило себя и потеряло смысл.

Сейчас можно вспомнить Константина Бальмонта, серьёзно размышлявшего о человеческой судьбе, и Максимилиана Волошина, приходившего к мысли о том, что в случайностях надо обнаружи-

вать скрытую природу человека. Зинаида Гиппиус, исповедуя личностный индивидуализм, убеждённо заявляла: «Россия спасётся, – знайте! / И близко её воскресенье». Однако всегда себя спасающая Россия не могла спасти многих своих гениев.

Биологическое и социальное начала жизни направляют людей по силовым линиям выживания, а душевно-духовное начало ищет проявления в социо-культурном пространстве как на арене возможностей и выбора. Человек способен, не отвергая массовой культуры, перейти к культуре индивидуальностей. Чаще всего она основывается на бескорыстии и преданности парадигме русской классики. Советская классика в народной культуре подчинилась также высоким принципам духовности, в первую очередь, потребности служения народу.

Личностная модель абсолютного начала в культуре учитывает процесс развития гражданственности в России. Мы ближе подойдём к определению последней, если обобщённо скажем: гражданственность есть нравственно-правовое содержание жизни граждан государства, которая протекает в разных формах общественных отношений. России предстоит стать обществом – государством, то есть самостоятельным объединением множества людей для общего дела, для осуществления людской солидарности и осуществления нравственного начала. Размышляя над тем, из чего складывается гражданский порядок в России, В.О. Ключевский включил «область личности» в «гражданский порядок», который складывается из очень сложных отношений: экономических, нравственных, семейных и других; эти отношения строятся и приводятся в движение личными интересами, чувствами и понятиями. Филология может установить в их проявлении нечто общее, что их примиряет и сглаживает [20, с. 406].

Следует подчеркнуть, что абсолютное начало культуры выражается в её персонализации, в процессе созидательной деятельности личностей и в формах духовной культуры – мифологии, морали, религии, искусстве. Они ориентированы, говоря словами Вл. Соловьёва, на «идеал истинного личностно-общественного универсализма» [10, с. 247]. Драмой российского обновления особо актуализируется социально-культурная триада: правда – истина, правда – справедливость и правда – право. Если руководствоваться правдою, то о новом правящем слое следует сказать: у него низкий уровень морали и правового сознания; высокая степень бюрократизации с присущими ей пороками; ему недостаёт управленческой и правовой культуры; в этом слое преобладает групповой и личный эгоизм, доминируют корпоративные интересы над общенародными интересами. Без возвращения к суровой правде невозможно наше духовное воскрешение.

Нам следует видеть хаотическую индивидуализацию российского общества, разорванность сознания большинства людей. Страна совершает трудный выбор на поле противоположностей: правовой режим – беспредел; модернизация – фундаментализм; элитарность – гражданственность; корпоративизм – социальность. Необходимый реформат предполагает говорить об острой необходимости использования ценностей, начал и норм культуры. Однако они окружены таинственной мистикой. Мистическое, или сакральное начало вводит нас в

некую совокупность явлений, действий и процессов, которые особым образом связывают человека с таинством сил мира, независимо от объективных условий времени и пространства. Благодаря этому исследователь в филологии может видеть *сакральный (сакраментальный) спектр бытия*. Вводом этой формулы в контексте реальной, опытной сакральности автор предлагает ключ от Российского Дома. Но открыт его сегодня не представляется возможным без филологического реформата. Но что он означает?

Список литературы:

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 11. М., 1996. С. 127.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 389.
3. Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001. С. 370–375.
4. Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической и гражданской. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 327.
5. Менделеев Д.И. К познанию России. 6-е изд. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1907. 157 с.
6. Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-Пресс, 2002. 576 с.
7. Франк С. Непрочитанное // Франк С. Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 229.
8. Симуш П.И. Поэтическая мудрость С.А. Есенина. М.: ИФ РАН, 2008. 231 с.
9. Симуш П.И. Коды Серебряного века: что разгадывает С.А. Есенин? (Экспертный опыт.) М.: АСМО–Синтез, 2015.
10. Философский словарь Владимира Соловьёва. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. С. 134, 287, 245–247.
11. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 17. М., 1987. С. 33, 224.
12. Вышеславцев Б.П. Этика преображённого Эроса. М.: Республика, 1994. С. 16–28, 138–153.
13. Симуш П.И. Россия и Чехов: стяжание правды. М.: АСМО–синтез, 2011.
14. Киселёв Г.С. По образу и подобию... // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 3–18.
15. Симуш П.И. Российская политология. М.: РАГС, 1995.
16. Симуш П.И. Теоретическое россиеведение XXI в. М.: ВИУ, 2005.
17. Общенациональный журнал «Власть». 2010. №№ 1, 6.
18. Пастернак Б. Об искусстве. М.: Искусство, 1990. С. 144, 320.
19. Работа Mail.ru.
20. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 1. Часть 1. М.: Мысль, 1987. С. 406.

References (transliteration):

1. Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 17 t. T. 11. M., 1996. S. 127.
2. Lotman Yu.M. Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb., 1994. S. 389.
3. Pravoslav'naya entsiklopediya. T. II. M., 2001. S. 370–375.
4. Tatischev V.N. Leksikon rossiiskoi istoricheskoi, geograficheskoi i grazhdanskoi. Izbrannyye proizvedeniya. L.: Nauka, 1979. S. 327.
5. Mendeleev D.I. K poznaniyu Rossii. 6-e izd. SPb.: Izdanie A.S. Suvorina, 1907. 157 s.
6. Mendeleev D.I. K poznaniyu Rossii. M.: Airis-Press, 2002. 576 s.
7. Frank S. Nepochitannoe // Frank S. Stat'i, pis'ma, vospominaniya. M., 2001. S. 229.
8. Simush P.I. Poeticheskaya mudrost' S.A. Esenina. M.: IF RAN, 2008. 231 s.
9. Simush P.I. Kody Serebryanogo veka: chto razgadyvaet S.A. Esenin? (Ekspertnyi opyt.) M.: ASMO–Sintez, 2015.
10. Filosofskii slovar' Vladimira Solov'eva. Rostov n/D.: Feniks, 1997. S. 134, 287, 245–247.
11. Chekhov A.P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. T. 17. M., 1987. S. 33, 224.
12. Vysheslavtsev B.P. Etika preobrazhennogo Erosa. M.: Respublika, 1994. S. 16–28, 138–153.
13. Simush P.I. Rossiya i Chekhov: styazhanie pravdy. M.: ASMO–sintez, 2011.
14. Kiselev G.S. Po obrazu i podobiyu... // Voprosy filosofii. 2008. № 1. S. 3–18.
15. Simush P.I. Rossiiskaya politologiya. M.: RAGS, 1995.
16. Simush P.I. Teoreticheskoe rossievedenie XXI v. M.: VIU, 2005.
17. Obshchenatsional'nyi zhurnal «Vlast'». 2010. №№ 1, 6.
18. Pasternak B. Ob iskusstve. M.: Iskusstvo, 1990. S. 144, 320.
19. Rabota Mail.ru.
20. Klyuchevskii V.O. Sochineniya: v 9 t. T. 1. Chast' 1. M.: Mysl', 1987. S. 406.